

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.06.2026 г.

Дата принятия рукописи в печать: 30.07.2026 г.

КОРСУН Виктория Владимировна,
магистрант, 3 курс, (специальность) 40.04.01 Юриспруденция,
Ростовский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России),
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: vikakorsun22@mail.ru

МЕЛЬНИКОВ Виктор Юрьевич,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
Ростовский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России),
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

ОСОБАЯ ЖЕСТОКОСТЬ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ: ЭВОЛЮЦИЯ НАУЧНЫХ ВЗГЛЯДОВ И ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Аннотация. В настоящей работе рассматривается эволюция научных взглядов на категорию особой жестокости в российском уголовном праве, начиная с дореволюционного периода и заканчивая современным этапом. Анализируются позиции учёных-юристов XIX–XX веков, а также разъяснения судебной практики. Особое внимание уделяется проблемам квалификации убийства, совершённого с особой жестокостью. Отмечено, что особая жестокость является оценочным понятием, что порождает неоднородность судебной практики. В связи с этим предлагается уточнить понятие особой жестокости в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ.

Ключевые слова: особая жестокость, убийство, оценочные понятия, квалифицирующие признаки, мучения, истязания, страдания, судебная практика, Пленум Верховного Суда РФ, квалификация преступлений.

KORSUN Victoria Vladimirovna,
Master's student, 3rd year, (specialization) 40.04.01 Jurisprudence,
Rostov Institute (branch) of VGUYU (RPA of the Ministry of Justice of Russia),
Rostov-on-Don, Russia

MELNIKOV Viktor Yurievich,
Doctor of Law, Associate Professor,
Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics
Rostov Institute (branch) of VGUYU (RPA of the Ministry of Justice of Russia),
Rostov-on-Don, Russia

SPECIAL CRUELTY IN RUSSIAN CRIMINAL LAW: EVOLUTION OF SCIENTIFIC VIEWS AND PROBLEMS OF QUALIFICATION

Annotation. This paper examines the evolution of scientific views on the category of special cruelty in Russian criminal law, from the pre-revolutionary period to the modern stage. The author analyzes the positions of legal scholars of the 19th–20th centuries, as well as explanations of judicial practice. Special attention is paid to the problems of qualification of murder committed with special cruelty. It is noted that special cruelty is an evaluative concept, which gives rise to heterogeneity in judicial practice. In this regard, it is proposed to clarify the concept of special cruelty in the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

Key words: special cruelty, murder, evaluative concepts, qualifying features, torment, torture, suffering, judicial practice, Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, qualification of crimes.

В уголовном праве особая жестокость традиционно относится к категории оценочных признаков состава преступления. Это означает, что законодатель, формулируя соответствующую норму, не закрепляет её точно, исчерпывающего определения, а лишь указывает на неё как на квалифицирующий признак, содержание которого раскрывается правоприменителем в каждом конкретном случае. Подобный подход обусловлен объективной невозможностью описать в законе все возможные формы и способы проявления жестокости, поскольку они отличаются значительным многообразием и зависят от обстоятельств совершения конкретного деяния. Следует подчеркнуть, что оценочные признаки в целом характерны для уголовного закона и выполняют важную функцию, позволяя правоприменителю учитывать всё многообразие жизненных ситуаций, которые невозможно заранее предусмотреть в тексте нормативного акта. Вместе с тем использование таких признаков неизбежно порождает определённые трудности, связанные с необходимостью их конкретизации применительно к каждому отдельному случаю.

Спорным остаётся вопрос о том, что считать особой жестокостью. В теории и на практике единого мнения нет. Исследователи расходятся в главном. Для одних важен способ совершения преступления. Для других важно то, как виновный относился к страданиям потерпевшего. Для третьих важны сами страдания, их характер и степень. Общий подход так и не сложился. Это создаёт проблемы при квалификации. На практике всё упирается в следующее. Доказать, что преступление действительно совершено с особой жестокостью, трудно. Правоприменителю приходится учитывать множество обстоятельств сразу. Это и обстановка совершения деяния, и поведение виновного, и характер его действий, и то, как долго потерпевший испытывал страдания. Есть и другие факторы. Прямо в законе они не названы. Поэтому суд и следственные органы вынуждены детально разбирать материалы дела. И это часто приводит к спорным решениям.

Дополнительная сложность состоит в том, что для объяснения данного понятия используются смежные категории – «мучение», «истязание», «страдание», «издевательство», «жестокое обращение», «пытка», «сизмизм». При этом каждое из указанных понятий имеет свои смысловые оттенки, которые далеко не всегда учитываются в правоприменительной деятельности. Это приводит к тому, что одно и то же деяние может быть охарактеризовано с использованием различных терминов, что, в свою очередь, затрудняет выработку единых критериев квалификации. Все они также не имеют чётких границ и требуют оценки в каждом конкретном случае. Для более глубокого понимания особой жестокости целесообразно обратиться к истории уголовного законодательства.

В юридической науке принято выделять два

этапа: дореволюционный и советский. Такое деление используется прежде всего для удобства изучения вопроса. Исторический анализ позволяет проследить, каким образом формировалось рассматриваемое понятие, какие факторы влияли на его содержание и каким образом накопленный опыт может быть использован при решении современных проблем квалификации.

В дореволюционном законодательстве термин «особая жестокость» прямо не использовался. Впервые термин «жестокость» был закреплён в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, где она рассматривалась как обстоятельство, усиливающее ответственность преступника [1]. Суд учитывал, насколько жестокими, безнравственными или бесчеловечными были действия при подготовке, совершении или сокрытии преступления. Тем самым законодатель связывал жестокость с повышенной общественной опасностью личности виновного. Кроме того, в нормативных предписаниях той эпохи применялись и смежные по смыслу термины – «мучения» и «истязания». Они находили применение как в виде отдельных составов преступлений, так и в роли обстоятельств, отягчающих ответственность за причинение телесных повреждений, незаконное лишение свободы и убийство. Законодатель устанавливал более строгую меру наказания за убийство, совершённое путём истязания либо сопровождавшееся жестокими мучениями потерпевшего. Кроме того, предусматривалась ответственность за жестокое обращение с детьми и лицами, страдающими психическими заболеваниями. При этом важно отметить, что законодатель того периода не только реагировал на наиболее опасные формы посягательств, но и стремился обеспечить повышенную правовую защиту наиболее уязвимых категорий населения, что свидетельствует о гуманистической направленности уголовной политики того времени.

Однако закон не раскрывал содержания понятий «жестокость», «мучения», «истязания» [2]. По этой причине суды обращались к разъяснениям Правительствующего Сената, которые также не содержали чётких юридических критериев. Например, истязание определялось как посягательство на человека, сопровождающееся мучениями и жестокостью. Очевидно, что такое определение не решало проблему, поскольку одно оценочное понятие раскрывалось через другое. В связи с этим значительную роль приобрели научные исследования.

Юристы того времени предлагали более конкретные определения. Истязание понималось как умышленное причинение сильной физической боли различными способами: избиение розгами, вырывание волос, длительное причинение боли, различные виды пыток (Н. С. Таганцев, И. Я. Фойницкий, Л. С. Белогриц-Котляревский) [3]. Под мучениями понималось создание условий, при которых человек длительное время испыты-

вает тяжёлые страдания: лишение пищи, воды, воздуха, света (Н. С. Таганцев, И. Я. Фойницкий). Ряд учёных (например, Л. С. Белогриц-Котляревский) практически отождествляли истязание с пыткой, понимая под ними систематическое причинение сильных физических страданий: удушение верёвкой, погружение в прорубь, стягивание головы верёвкой до повреждения черепа [4].

Все рассмотренные подходы объединяло то, что предметом анализа выступали не обычные болевые ощущения, неизбежно сопутствующие любому насильственному преступлению, а особенно выраженные и затяжные страдания потерпевшего. Именно данный признак и выступал ключевым критерием, позволяющим отграничить особую жестокость от рядового применения насилия.

Применительно к убийству в научной литературе возобладала точка зрения, согласно которой особая жестокость проявляется главным образом в способе совершения преступления (Н. С. Таганцев). В качестве примеров рассматривались убийство, совершённое путём истязаний, а также убийство, которому предшествовали жестокие мучения потерпевшего, даже если эти мучения непосредственно не послужили причиной смерти (И. Я. Фойницкий). Отмечалось при этом, что закон не приводит точного перечня такого рода способов, вследствие чего суду надлежит оценивать обстоятельства каждого дела в индивидуальном порядке, основываясь прежде всего на характере причинённых потерпевшему страданий.

Согласно воззрениям В. В. Есипова, при оценке особой жестокости следует принимать во внимание личность виновного, а не ограничиваться лишь способом совершения преступления. Он исходил из того, что особая жестокость отражает повышенную общественную опасность преступника, который сознательно останавливает свой выбор на наиболее жестоких способах достижения преступной цели.

Л. С. Белогриц-Котляревский усматривал особую жестокость в причинении потерпевшему дополнительных страданий. По его мнению, убийство следует признавать особо жестоким в случае, если оно сопровождается истязаниями и мучениями, которые либо непосредственно приводят к смерти, либо направлены на усиление страданий жертвы. Анализируя преступления против свободы личности, он пришёл к выводу, что мучения могут причиняться не только насильственными действиями, но и условиями содержания потерпевшего: холод, сырость, отсутствие воздуха, если виновный осознавал и допускал такие последствия.

И. Я. Фойницкий рассматривал понятие жестокого обращения, относя к нему причинение увечий, ранений, систематические побои, неоднократное сечение розгами и иные действия, вызывающие длительное физическое страдание потерпевшего [5].

Подводя итог дореволюционному периоду, следует отметить, что термин «особая жестокость» в законодательстве прямо не использовался. Широко применялись близкие по смыслу понятия – «жестокость», «истязание», «мучение», «страдание». Они использовались как самостоятельные составы преступлений, квалифицирующие признаки или обстоятельства, отягчающие наказание. Однако законодатель не раскрывал их содержания. Представители дореволюционной науки уголовного права пытались восполнить этот пробел через научные исследования. Они объясняли жестокость через смежные категории – мучения, истязания, страдания, издевательства, однако единого определения так и не выработали. Особая жестокость продолжала оставаться оценочным понятием, что создавало трудности в судебной практике. Вместе с тем именно учёные данного периода впервые попытались связать особую жестокость с элементами состава преступления, рассматривая её прежде всего, как характеристику способа совершения преступления, а также связывая её с личностью виновного и его преступными качествами. Общим для большинства авторов было мнение, что главным признаком особой жестокости являются особые физические и психические страдания потерпевшего, выходящие за пределы обычных последствий преступления.

В советский период законодатель во многом сохранил преемственность предыдущего этапа. В УК РСФСР 1922 года жестокость была закреплена как обстоятельство, отягчающее наказание. В УК РСФСР 1926 года впервые прямо используется термин «особая жестокость» как обстоятельство, усиливающее уголовную ответственность. Однако законодательного определения данного понятия по-прежнему не существовало, и основная роль в его раскрытии принадлежала учёным. Следует отметить, что советская уголовно-правовая доктрина развивалась в условиях существенно изменившейся социально-политической обстановки, однако преемственность в понимании особой жестокости в значительной степени сохранилась, что свидетельствует о фундаментальном характере выработанных ранее подходов.

Особо жестоким А. А. Пионтковский предлагал считать только то убийство, при котором преступник проявил исключительную жестокость. Она свидетельствует о его повышенной общественной опасности [6]. При этом страдания, по его мнению, сопровождают любое убийство. К особо мучительным способам он относил медленно действующий яд, сожжение человека, предварительные пытки, лишение пищи и воды, большое число ранений, расчленение живого человека. К ним он причислял и иные способы, причиняющие исключительные страдания. Обязательным он полагал установление осознания виновным мучительного характера своих действий. Издевательствами автор называл много-

кратные побои и иные насильственные действия, причиняющие сильную физическую боль.

Значимым нормативным актом стал УК РСФСР 1960 года, в котором понятие особой жестокости использовалось не только как обстоятельство, отягчающее наказание, но и как квалифицирующий признак отдельных преступлений, прежде всего умышленных убийств [7]. Однако законодательного определения данного понятия по-прежнему не существовало, поэтому разъяснения формировались судебной практикой. Верховный Суд СССР в постановлении от 27.06.1975 № 4 указал, что особая жестокость может проявляться как в особо мучительном способе убийства, так и в иных обстоятельствах преступления. Позднее Пленум Верховного Суда РСФСР постановлением от 22.12.1992 № 15 подчеркнул, что для признания убийства совершённым с особой жестокостью необходимо установить, что виновный осознавал особую жестокость своих действий и желал либо сознательно допускал причинение потерпевшему особых страданий.

Подводя итог советскому периоду, следует отметить, что уголовно-правовая наука продолжала развивать идеи дореволюционных учёных. Основное внимание уделялось тому, что особая жестокость характеризуется причинением потерпевшему исключительных физических или нравственных страданий, в связи с чем требуется установление осознания виновным мучительного характера своих действий. В дальнейшем это стало основой современного понимания особой жестокости в российском уголовном праве.

Советские учёные продвинулись дальше дореволюционных. Главное их достижение касается места особой жестокости в составе преступления. Раньше её связывали в основном со способом совершения деяния. Теперь появился более широкий взгляд. Особая жестокость может проявиться и в способе, и в обстановке совершения преступления. Кроме того, она должна охватываться умыслом виновного. Проще говоря, чтобы вменить особую жестокость, нужно доказать одно. Лицо осознавало, что причиняет потерпевшему особые страдания. И при этом либо сознательно допускало их, либо хотело их наступления. Несмотря на то, что законодательного определения так и не появилось, научная мысль существенно приблизилась к современному пониманию особой жестокости и выработала основные критерии её оценки.

Действующий Уголовный кодекс Российской Федерации сохранил преемственность развития законодательства и научных подходов к пониманию данного понятия.

Доктрина уголовного права называет несколько ключевых трудностей, которые возникают при квалификации убийства, совершённого с особой жестокостью.

Первую трудность порождает оценочная природа рассматриваемого признака. Точного и

однозначного определения в законе нет, в связи с чем вопрос о наличии в действиях виновного особой жестокости разрешается судом применительно к каждому конкретному делу. Как результат – один и тот же способ лишения жизни может оцениваться судами по-разному, а единообразие судебной практики не обеспечивается. Представляется, что подобная ситуация не в полной мере отвечает требованиям правовой определённости и может создавать предпосылки для нарушения прав участников уголовного судопроизводства. В связи с этим выработка единых критериев оценки особой жестокости приобретает особую актуальность.

Вторая трудность заключается в необходимости установить умысел виновного именно на совершение убийства с особой жестокостью. Данное правило закреплёно в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)». При этом в реальной правоприменительной деятельности суды нередко ограничиваются общими формулировками о наличии умысла и не раскрывают, почему виновный осознавал особую мучительность собственных действий и желал либо сознательно допускал дополнительные страдания потерпевшего.

Это подтверждается примерами судебной практики. Красноярский краевой суд в приговоре от 05.06.2020 по делу № 2-11/2020 признал особую жестокость в ситуации, когда виновный облил потерпевшую горячей жидкостью и поджёг её [8]. Суд сослался на то, что потерпевшей была причинена сильная физическая боль и длительные мучения, а виновный не оказал помощи и наблюдал за происходящим, рассчитывая на страдания потерпевшей до наступления смерти. Вместе с тем не все дела являются столь очевидными. Бийский городской суд Алтайского края в приговоре от 29.04.2019 по делу № 1-108/2019 признал убийство, совершённое путём поджога дома, совершённым с особой жестокостью [9]. Однако специалисты в области судебной медицины отметили, что, если человек погибает от отравления угарным газом во сне, смерть может наступить до воздействия огня на тело, и потерпевший не испытывает длительных физических страданий. В таких ситуациях возникает вопрос: действительно ли имеются объективные признаки особой жестокости или суд исходит лишь из самого опасного способа совершения преступления? Приведённый пример наглядно демонстрирует, что без тщательного анализа всех обстоятельств дела, включая данные судебно-медицинской экспертизы, вывод о наличии особой жестокости может оказаться недостаточно обоснованным. Это, в свою очередь, подтверждает необходимость выработки более чётких критериев оценки рассматриваемого признака.

Анализ научных взглядов, сформировавшихся в различные исторические периоды, даёт ос-

нования утверждать, что большинство авторов независимо от принадлежности к той или иной научной школе и вне зависимости от исторической эпохи связывали особую жестокость прежде всего с причинением потерпевшему исключительных физических или нравственных страданий, выходящих за пределы тех страданий, которые неизбежно сопровождают любое убийство. При этом в доктрине постепенно сформировалось устойчивое понимание того, что для квалификации содеянного недостаточно установить лишь объективный способ совершения преступления. Необходимо также доказать, что виновный осознавал мучительный характер своих действий и желал либо сознательно допускал причинение потерпевшему особых страданий.

Исходя из отмеченных проблем, представляется целесообразным уточнить понятие особой жестокости в постановлении Пленума Верховного Суда. Под ней следует понимать такой способ или обстановку совершения убийства, при которых виновный умышленно причиняет потерпевшему дополнительные, исключительные по своему характеру физические или психические страдания, не являющиеся неизбежным последствием лишения жизни, осознавая их причинение и желая либо сознательно допуская их наступление. Предлагаемое определение, как представляется, в достаточной мере учитывает как объективные, так и субъективные признаки рассматриваемого деяния, что позволяет обеспечить более точную и обоснованную квалификацию содеянного. Кроме того, оно согласуется с основными положениями уголовно-правовой доктрины и не противоречит сложившимся подходам к пониманию особой жестокости.

Предлагаемое определение позволяет отграничить особую жестокость от смежных оценочных категорий. Прежде всего речь идёт о жестоком обращении, под которым в доктрине уголовного права понимается систематическое, умышленное причинение потерпевшему физических или психических страданий, не связанное с лишением жизни и выражающееся в побоях, истязаниях, лишении пищи, сна, медицинской помощи, а также в иных действиях, унижающих человеческое достоинство. Жестокое обращение характеризуется, как правило, длительным характером и может не преследовать цели причинения смерти, тогда как особая жестокость при убийстве всегда направлена на лишение жизни и проявляется в момент совершения убийства либо непосредственно перед ним. Кроме того, жестокое обращение нередко носит бытовой, семейный или воспитательный характер, в то время как особая жестокость при убийстве обусловлена умыслом на причинение смерти особо мучительным способом.

Не менее важно разграничение особой жестокости с такими категориями, как истязание, мучение, издевательство и пытка. Истязание предпо-

лагает причинение физических или психических страданий путём систематического нанесения побоев либо иными насильственными действиями, однако оно не обязательно связано с посягательством на жизнь. Мучение представляет собой создание таких условий, при которых потерпевший длительное время испытывает тяжёлые страдания (например, лишение воды, света, тепла). Издевательство выражается в действиях, направленных на унижение чести и достоинства потерпевшего, причинение ему нравственных страданий. Пытка же представляет собой умышленное причинение сильной боли или страданий с целью получения сведений, наказания или устрашения. Все эти категории объединяет оценочный характер и отсутствие легального определения, однако основным критерием, позволяющим отграничить особую жестокость, выступает направленность умысла на лишение жизни и исключительный, дополнительный характер страданий, выходящих за пределы неизбежных при убийстве.

Предлагаемое уточнение позволит решить несколько практических задач. Во-первых, оно устранил существующую в правоприменительной практике неопределённость, при которой один и тот же способ совершения преступления – например, поджог, нанесение множественных ранений, использование медленно действующего яда – в одних случаях признаётся проявлением особой жестокости, а в других – нет. Во-вторых, оно ориентирует суд на необходимость установления не только объективной стороны деяния, но и субъективного отношения виновного к причиняемым страданиям, что соответствует принципу субъективного вменения и требованиям справедливости уголовного закона. В-третьих, чёткое указание на то, что особые страдания должны носить дополнительный характер и не являться неизбежным последствием лишения жизни, позволит исключить случаи, когда в качестве особой жестокости ошибочно вменяются любые действия, сопровождающие убийство (например, нанесение нескольких ударов ножом, не связанное с намерением причинить дополнительные страдания). В-четвёртых, предлагаемое определение создаёт основу для единообразного толкования признака особой жестокости применительно к иным составам преступлений, где он также используется (например, ч. 2 ст. 111, ч. 2 ст. 112, ст. 117 УК РФ), что способствует формированию устойчивой судебной практики.

Данное уточнение позволило бы обеспечить более единообразное применение уголовного закона, снизить количество ошибок при квалификации убийств, совершённых с особой жестокостью, а также повысить уровень гарантий прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. В конечном счёте это способствовало бы укреплению законности и правопорядка, а также формированию единообразной судебной практики по делам данной категории.

Список литературы:

- [1] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Полное собрание законов Российской империи. – Собрание 2-е. – Т. XX. – Отд. 1. – СПб.: Тип. Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1846. – № 19283. – С. 257.
- [2] Андреева Л.А., Константинов П.Ю. Влияние жестокости преступного поведения на уголовную ответственность. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – С. 106-107.
- [3] Таганцев Н.С. О преступлениях против жизни по русскому праву: в 2 т. / Н. С. Таганцев. – Санкт-Петербург: Типография А. М. Котомина, 1871. – Т. 2. – С. 356.
- [4] Белогриц-Котляревский Л.С. Очерки курса русского уголовного права. Общая и Особенная части / Л. С. Белогриц-Котляревский. – Харьков, 1908. – С. 98.
- [5] Фойницкий И.Я. Уголовное право. Посягательства личные и имущественные / И. Я. Фойницкий. – 5-е изд. – Санкт-Петербург, 1907. – С. 189.
- [6] Пионтковский А.А. Преступления против личности: уголовное право. Особенная часть / А. А. Пионтковский. – Москва: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1938. – С. 20.
- [7] Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 591.
- [8] Решение от 05.06.2019 по делу № 33-7981/2019 (Красноярский краевой суд) // Репутация. URL: <https://reputation.su/sudrf/238915454?ysclid=mubb3ymag7672956652> (дата обращения: 03.06.2026).
- [9] Приговор № 1-108/2019 1-920/2018 от 28 апреля 2019 г. по делу № 1-108/2019 (Бийский городской суд Алтайского края) // СудАкт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/RZOvDNbSMK6m/?ysclid=mubb1qpt56187418601> (дата обращения: 03.06.2026).

[ru/regular/doc/RZOvDNbSMK6m/?ysclid=mubb1qpt56187418601](https://sudact.ru/regular/doc/RZOvDNbSMK6m/?ysclid=mubb1qpt56187418601) (дата обращения: 03.06.2026).

References:

- [1] Code of Criminal and Correctional Punishments of 1845 // Complete Collection of Laws of the Russian Empire. – 2nd Collection. – Vol. XX. – Part 1. – St. Petersburg: Printing House of the Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1846. – No. 19283. – P. 257.
- [2] Andreeva L.A., Konstantinov P.Yu. The Influence of Cruelty in Criminal Behavior on Criminal Liability. – St. Petersburg: Yuridicheskiy Tsentr Press, 2002. – Pp. 106–107.
- [3] Tagantsev N.S. On Crimes Against Life Under Russian Law: in 2 vols. / N. S. Tagantsev. – St. Petersburg: A. M. Kotomin Printing House, 1871. – Vol. 2. – P. 356.
- [4] Belogrits-Kotlyarevsky L.S. Outlines of a Course on Russian Criminal Law: General and Special Parts / L. S. Belogrits-Kotlyarevsky. – Kharkov, 1908. – P. 98.
- [5] Foynitsky I.Ya. Criminal Law: Crimes Against the Person and Property / I. Ya. Foynitsky. – 5th ed. – St. Petersburg, 1907. – P. 189.
- [6] Piontkovsky A.A. Crimes Against the Person: Criminal Law. Special Part / A. A. Piontkovsky. – Moscow: Legal Publishing House of the People's Commissariat of Justice of the USSR, 1938. – P. 20.
- [7] Criminal Code of the RSFSR of 1960 // Bulletin of the Supreme Soviet of the RSFSR. – 1960. – No. 40. – Art. 591.
- [8] Decision dated June 5, 2019, in Case No. 33-7981/2019 (Krasnoyarsk Regional Court) // Reputatsiya. URL: <https://reputation.su/sudrf/238915454?ysclid=mubb3ymag7672956652> (accessed: June 3, 2026).
- [9] Judgment No. 1-108/2019 1-920/2018 dated April 28, 2019, in Case No. 1-108/2019 (Biysk City Court, Altai Krai) // SudAkt. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/RZOvDNbSMK6m/?ysclid=mubb1qpt56187418601> (accessed: June 3, 2026).

